

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3/283/4

„ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»“

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ Л. И. АКСЕЛЬБРОД,
Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ И Э. М. ЗИ-
НОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ

СБОРНИК № 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории. Лекции, посмертная рукопись, с предисловием Р. М. Плехановой . . .	5
2. Л. Г. Дейч. Полувековые годовщины	53
3. Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и Воли»	81
4. Л. Г. Дейч. Из Кариийских тетрадей	117

ПИСЬМА

5. Л. Г. Дейч — Я. В. Стефановичу	146
6. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу	148
7. Я. В. Стефанович — Л. Г. Дейчу	152
8. Л. Г. Дейч — И. Н. Присецкому	220
9. В. К. Дебогорий-Мокриевич — В. И. Засулич	226
10. Н. Чайковский — В. И. Засулич	237
11. В. И. Засулич — Л. Г. Дейчу	240
12. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу	268
13. Х. Г. Раковский — В. И. Засулич	274
14. В. И. Засулич — Г. В. Плеханову	277
15. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. — Переписка	311

РАЗНОЕ

16. Ф. Энгельс. О военной мощи царской России	350
17. Ф. Гинзбург. Русская библиотека Маркса и Энгельса	357
18. Ф. Гинзбург. — Маркс о Ткачеве	387
19. Дз. — Наследие отцов	395
20. Г. В. Плеханов. — Русская учащаяся молодежь	407
21. Письмо в редакцию. (Плеханов в Горном институте)	408
22. Алфавитный указатель собственных имен	411

ПОРТРЕТЫ.

1. Р. М. Боград-Плеханова в юности.
2. Г. В. Плеханов в 90-х годах.
3. Н. Г. Чернышевский в 80-х годах.
4. И. П. Мышкин в 70-х годах.

Аел

В. ЗАСУЛИЧ

ПИСЬМА К Л. ДЕЙЧУ

В предисловии к моим письмам к В. И. Засулич из тюрьмы и Сибири я, между прочим, сообщил, что «письма моих друзей ко мне за весь период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их накануне своего побега из Благовещенска»¹⁾. Оказывается, что это заявление не вполне верно, так как часть писем В. И. Засулич ко мне в вольную команду на Каре и в места моего поселения в Сибири сохранилась в подлинниках или в сделанных мною точных копиях у Я. В. Стефановича, которому я их тогда посылал, а теперь, благодаря любезности брата и сестры этого моего друга, я получил их от последних в мое распоряжение.

Излишне, полагаю, говорить, до чего обрадовала меня эта совершенно неожиданная и очень ценная находка, так как письма эти содержат много чрезвычайно интересных сведений. В конце этих писем я счел уместным привести также находившиеся в архиве Стефановича и недавно присланные мне три письма ко мне П. Б. Аксельрода от того же периода, так как они могут служить дополнением к сообщениям В. И. Засулич.

I [подлинник]

Mornex. [Нач. 1890 г.]

Дорогой брат, после карты, где ты просишь прислать 30—40 руб. для Якова (они тогда же посланы, 39 р.), от тебя не приходило карт, а этому уже много больше месяца. Но, может быть, Павел получал да забыл переслать? Пиши впредь на Beldinsky, Mornex. Hautel Savoie. France. Лучше так: пиши по очереди то Павлу, то сюда. А то я не знаю, долго ли здесь останусь, а из другого государства письма неаккуратно пересылаются. Я, знаешь ли, только

¹⁾ См. Сборник II, стр. 228.

теперь, после нового 1890 г., получила из России от брата ¹⁾ поздравление с наступившим 1889 годом. Вот как пляются иной раз письма! Он очень жалуется в этом письме на бес-содержательность моих писем. Это все жалуется и воображают, что у меня должна быть масса тем, а откуда они у меня будут? Вот сам посуди, я опишу тебе мое житье.

Живу я среди деревни. Не там, где жил Василий Игнатьевич ²⁾, а гораздо ближе к концу Малого Салева. В деревне — ни одного русского. Нет ни одного и французского знакомого. У меня маленькая комната, точь-в-точь в том же роде, какие я обыкновенно занимала и в Женеве. Железная печка, большой беспорядок и все проч., как всегда. Встаю поздно, часов в 10, а то и в 11. Поспешно варю кофе, очень крепкий, по возможности со сливками, выпиваю и бросаюсь писать, отрываясь время от времени (при каком-нибудь затруднении), чтобы сделать папироску и пройтись с ней по комнате. Так часов до 4, до 5. Тогда или иду по близости за провизией или, если осталось от вчерашней, жарю бифштеке, с'едаю и ложусь на час повалиться с книгой. Это, если не до крайности увлечена писаньем, а то — так продолжаю писать. Не то, чтобы уж сплошь писать, а обдумывать, передумывать, переправлять, переписывать. Чай стоит на печке и время от времени прихлебывается. Часов в 9 опять кофе и работа часов до 2. Тогда ложусь с книгой. Если надо прочесть ту или другую книгу, тогда так же спешно и не отрываясь читаю, и коли читаю, то в те дни уж не пишу.

В этом и только в этом отношении я очень переменилась. Прежде, как и всякий порядочный русский интеллигент, я, как ты знаешь, могла великолепно бездельничать без конца, валять какую-нибудь книгу, читая по несколько страниц в день, лентяйничать над бумагой, взявшись читать или переводить. Теперь этого и следа не осталось, то-есть вялость нападает на меня каждый раз после того, как я почему-нибудь выбьюсь из своего напряженного состояния, но эта

¹⁾ Т.-е. от меня же: этим В. И. в своем официальном письме давала мне понять, что получила мое *конспиративное* письмо, отправленное с «оказией», — из вольной команды с ухажившим на поселение товарищем. Л. Д.

²⁾ Василием Игнатьевичем назывался Л. Тихомиров; до своего переезда в Париж, летом 1883 г., он жил в Мориз, вблизи Женевы. Л. Д.

леность так мучительна для меня, я тогда так страшно тоскую, что все силы употребляю как можно скорее вогнать себя опять в прилежание, при котором я уже ни о чем, решительно ни о чем не думаю, кроме книги, которую читаю, или статьи, которую пишу.

По целым месяцам я не говорю (разве шопотом сама с собой) ни слова, кроме как в лавочке: «дайте фунт того-то» и «bon soir, madame». Впрочем, один посетитель бывает у меня ежедневно и с ним всегда приходится сказать слова два: это большой косматый коричневый пес, по имени Тюрк. Он отлично знает, когда я приношу мяса (встречает и обнюхивает корзинку), и упорно является потом каждые полчаса и подает лапу, пока не дамь ему кусочек.

В Женеве я бываю раз в месяц, а то и реже. Бываю больше, если нужно. Там меня привлекает Жорж, — его я всегда рада видеть, с ним всегда есть о чем говорить (о тех же статьях и книгах), он всегда, окажется, выдумал что-нибудь новое, выяснил себе какой-нибудь вопрос. Но, во-первых, говорить обыкновенно мешают и его отчаянно балованные дети и гости, а главное, за это удовольствие приходится, возвратившись домой, расплачиваться несколькими днями тоски, трудности работать, такого состояния, при котором жизнь решительно невыносима. А, раз втянулась в работу, я ничуть не тоскую, мне ничего не хочется, никого и ничего не нужно.

В Кларане последние месяцы (с мая до октября) я тоже жила без Жоржа, там ко мне заходили гости, и эти гости всегда были мне в тягость, — я только и ждала, как бы они поскорее ушли. Даже с Лизой прежде могла по часам болтать и с удовольствием, а теперь уже давно решительно не нахожу, о чем говорить, да и все тут, хоть зарежь меня.

Я знаю, что это все не хорошо, дурно так всех чуждаться, что такая жизнь и ненормальна, и превратит меня в какую-то ведьму одичалую. Но, право же, я могу жить только или так или никак.

Общество Павла ¹⁾ и то мне надоедает. Он гостил в Кларане, и я рада была, когда уехал, а он очень добр со мною,

¹⁾ П. Б. Аксельрод.

но скучно мне и с ним. У Жоржа вот уж больше года, как болезнь не возвращалась, — не было лихорадки (по крайней мере сильной, заметной), но последние месяцы он живет дома и страшно утомляется, так что с каждым разом, как прихожу, нахожу его очень похудевшим и побледневшим против прошлого раза.

Ну вот мое житье: никого не выдаю, газет не читаю (выписывать дорого, а доставать нигде), о себе не думаю, не «психичничаю»¹⁾. Какие же у меня темы? О книгах, о статьях? Да много ли о них в письме напишешь? К тому же я печатаю, что напишу, хоть и не все, конечно. А что напечатано, надеюсь, что ты прочтешь когда-нибудь. У тебя в сто раз больше тем было бы, если бы мог писать. Ты живешь на людях и о них мне все очень интересно, а я в (добровольном) одиночном заключении. Но я постараюсь писать больше. Крепко целую тебя, твоя сестра Саша.

II [Копия]

1893 год

Скоро поеду в Цюрих. С одной стороны, там предстоит много приятного, — там будет в авг[усте] междунаро[дн]ый конгр[есс]. Увижу многих выдающихся геноссов, увижу Аню. Свидание с нею три года тому назад доставило мне немало удовольствия: она ведь самая старая моя знакомая, единствен[ный] человек в Евр[опе], с которым я на «ты»; с ней я могу быть и откровеннее, чем со всеми другими. Но, с другой стороны, там предстоит масса тяжелого. Решительная, вероятно окончательная встреча с теми нашими любезными родственниками, о столкновении с которыми я уже упоминала. Ах, как это скверно действует! Чего не могли сделать с нами никакие противники (теперь у нас их почти совсем нет), то сделали эти: сломили нашу энергию, упрямство. Теперь противно, не хочется работать попрежнему. Свои гораздо противнее чужих. Жорж найдет себе больше чем по силам дела в немецкой литературе. Он весь теперь поглощен ею. Ряд статей, которые он теперь пишет, — [о] «Гольбах[е], Гельвеции и Марксе», — переход от материа-

¹⁾ Это означало: не копается в себе.

лизма XVIII [в.] к современному научному, — мне кажется, должен произвести эпоху в теории исторического материализма. Нельзя не признать, что ведь он (истор. материал.) очень «куцый»: «открытие Америки, путь вокруг Африки» и пр., — это давно оскомину набило. А дальше развивать некому. Кроме старика Фридриха [т.-е. Энгельса], Каутский, да и обчелся (я непременно пришлю тебе эти статьи, как выйдут). Павел тоже найдет себе дело, — отчасти в литературе, отчасти в кефире и семье (ему уж пора скоро дочку замуж выдавать), ну, а я?.. А сделали мы все же больше, чем ожидали: левое гегелианство [т.-е. марксизм] — господствующее направление, а того, что было прежде (не в теории, а на практике), видно, по ходу истории России не полагается.

III [Копия]

Цюрих (конец 1893 года)

Прошрое письмо я писала больная и совсем не в духе и мало рассказывала о Цюрихе (о празднестве там ¹⁾). А видела я там массу интересного народа. Начать хоть с Фридриха Карловича [Энгельса]. Он был у нас, т.-е. у Павла, раза три. Совсем простой, ласковый такой старик. Уж на что я трусиха на незнакомых людей, а и то с ним сразу освоилась. Впрочем, особенно интересных разговоров с ним не было: о том, как поступали голландцы (на конгрессе), как ведут себя французы, — а ведут они себя глупее глупого, — и т. п. текущие темы. Эти две делегации были систематическими противницами немцев, все остальные — друзьями. Французы были страшно глупы, но не по одной природной глупости, а еще и потому, что в то время там были выборы, и все наши, вообще все путные люди, были заняты ими, а наехало человек 40 самого бездельного народа. Они, даже не слушая, не поняв, в чем дело, как потом сами признавались в частных разговорах, заглушали слова оратора криками: *Vive la France, la Commune* и даже *l'anarchie*, если только знали, что оратор в дружбе с немцами. Итальянцы, наоборот, вызывали удивление своей сдержанностью, тактом,

¹⁾ Под «празднеством там» В. И., конечно, подразумевала происшедший в 1893 г. в Цюрихе интернациональный конгресс.

единогласием и разумностью своих вотов. Все спрашивали себя, что с ними такое сделалось, так как вообще никогда они такими качествами не отличались. Только я с первого же дня знала, что своим примерным поведением они исключительно обязаны нашей Ане. По целым вечерам она их экзаменовала и муштровала, и я не раз присутствовала при этих муштровках. По манере говорить и обращаться с людьми она осталась прежней, но как поразительно переменилась в остальном, не только за тот десяток лет, что ты не видал ее, но даже за 3 года, прошедшие с тех пор, как она гостила здесь у меня. Тогда она была худая, кости да кожа, постаревшая, и всегда, чуть зайдет подходящий для этого разговор, готова была заплакать. Я тогда не могла решить, чего ей нехватает: любимый муж, обожаемая дочка, материально более чем обеспечена, живет в своей любимой Италии, которая ей гораздо милее забытой России. Кажется, она и сама тогда определенно не знала, чего ей нехватает. Должно быть нехватало широкой общественной деятельности. Теперь дела у ней по горло: редактор журнала, кроме того член всяких комитетов и обществ, все дни и часы у нее нарасхват. Ей хотелось побыть со мною, с русскими, и ни на 1 час раньше открытия с'езда она не могла приехать, и совсем не пришлось за неделю (ее пребывания) поболтать без ее хвоста в 25 итальянцев; и после закрытия заседаний она ни на 1 час не могла остаться: уже в 10 местах ее ждали. Зато, вместо прежней скелетообразной Ани с ввалившимися щеками, является здоровенная женщина с двойным от толщины подбородком. Еще при тебе она была под подозрением чахотки, то же было и 3 года тому назад, а теперь в последний день она была избрана (итальянцами — нации ежедневно чередовались) председателем собрания человек в 700 и, несмотря на порядочно шумное заседание, вела его совершенно прилично. Когда говорила, слышно было по всему залу. Хандры, конечно, и след простыл. Совсем молодец стала. И не одна Италия обязана своим хорошим поведением русскому. Ту же, и даже гораздо большую роль, как Аня в Италии, играет в Румынии Кац [Доброджану]. Дмитро его знает, кажется. Очень милый человек. Из той же Румынии, но не на с'езд — он с рабочими ничего общего не имеет — приезжал тоже Ралли [Арборе].

Вот странное-то производит он впечатление среди этих архи-современных людей?! Точно он с того света или из-под земли выкопан. Взгляды он сохранил точь-в-точь те, с какими уехал. Павел пускался с ним спорить. Он и аргументы в спорах приводит как раз те, что были во всеобщем употреблении в те допотопные времена. Почти все эти 15 лет он состоит редактором либерального и при этом официального журнала, либерализм которого заключается в защите интересов крупных капиталистов, в руках которых власть, от землевладельцев, находящихся в оппозиции. Но над этой своей 15-летней деятельностью он насмехается, — ни разу не написал он в своей газете ни одной искренней строчки. Странная и жалкая карьера.

На обратном пути из Цюриха я видела в Божии Лизу. Она, наконец, выздоровела, и, к крайнему моему удивлению, я и ее нашла сильно поздоровевшей и потолстевшей. Слухи все ходили, что она больна. Ей теперь и самой не верится, что она здорова. Живет она у знакомой тебе Александровой, которая вышла замуж за очень ревнивого человека ¹⁾, купившего дом в Божии, завела огород, скот, хозяйство. Теперь она овдовела и продолжает вести хозяйство, в чем ей помогает Лиза, а та ее за это содержит, так как Лиза получает очень мало из дома.

Крепко целую тебя. Твоя сестра.

IV [копия]

[Морна, апрель 1895 года]

Мне, кажется, нельзя будет здесь остаться, а куда по-паду, еще не знаю. Кажется, что некуда попасть, кроме Англии. Проклятые ученики разных географов ²⁾ такие штуки вытворяют, что скоро нигде на свете жить нельзя

¹⁾ Это был ткачовец Лакиеро; после его смерти вдова его, получившая в наследство некоторое имущество, вновь вышла замуж за небезызвестного эсера Ег. Ег. Лазарева; она же примкнула к эсдекам. Л. Д.

²⁾ «Учениками разных географов», т.-е. Э. Реклю и П. Кропоткина, В. И. называла анархистов, которые в то время своими нелепыми покушениями вызвали в Западной Европе преследования против марксистов, в особенности против В. Засулич и Г. Плеханова, которым французское правительство запретило жить в Морна.

будет. И ведь герои при этом. Как обезьяна — совсем бы человек, только смысла ей недостает. Так и они: совсем герои, только без смысла. Впрочем, не только без смысла, а в противность всякому смыслу: приносят огромную пользу тем, кому желают вредить (впрочем, и действуют-то они в большинстве случаев при помощи и по подстрекательству агентов тех, кому желают вредить), и страшный вред тому, чему не должны бы желать вредить — движению. Это его худшие враги. Чуть что случится в Париже, местные власти бросаются на иностранцев, а так как во всей верхней Савойе, кроме нас с Жоржем, никого нет, то на нас. Такие мне пришлось сцены пережить, каких и в России никогда не случилось. У нас делают, что прикажут, но от себя не прибавляют ни грубости, ни ненавистничества, а здесь именно это от себя. Ты это и сам испытал во Фрейбурге. Затруднительное предвижу я положение в Лондоне, если придется туда попасть. Я очень люблю Сергея и, вместе, очень дорожу хорошими отношениями с такими хорошими немцами, как Энгельс и его друзья, а между тем компания Сергея в ссоре с немцами ¹⁾. Вначале С[ергей] был с ними, в особенности с Элеонорой Маркс-Эвелинг (она премилая баба, — я с ней в Цюрихе познакомилась, — совсем простая, умная, деловая), в огромной дружбе. Их (т.-е. Сергея и его К-о) предприятием Энгельс очень увлекался и даже нас туда тащить старался: он думал, что они приобретут большое влияние на общественное мнение. Но понемногу выяснилось, что никакого влияния они не имеют и иметь не будут, что все застыло на нескольких десятках сантиментальных старушек, нескольких тоже десятках попов и 2—3 заблудших «эксцентричных» членов палаты. Эта почтенная, но

¹⁾ Сергей — Кравчинский-Степняк тогда жил в Лондоне. Его «компанию» составляли старые друзья его: Н. Чайковский, Ф. Волховский, Е. Лазарев, Л. Гольденберг, образовавшие группу, известную под названием «Фонд Вольной Русской Прессы». Группа эта преследовала чисто конституционные, либеральные цели и с ненавистью относилась к марксистам. Степняк в этом отношении являлся исключением. «Фондисты», главным образом, при содействии очень популярного, как писателя, Степняка, основали в Англии среди туземцев «Общ-во друзей русской свободы» («Free Russian Society»), стремившееся всячески содействовать борцам за свободу в России. Кое-что это либеральное общество и сделало.

не имеющая значения компания дает деньги на очень вялую и составленную по английским же газетам газетку. Компания эта желает нам всего того, что [уже] есть в Англии, но для нее очень *шокинг* желать чего-нибудь, чего там нет. А между тем и среди англичан есть очень много народа, желающего многого того, чего там нет¹⁾, и именно с этим народом в дружбе Энгельс, Элеонора и др. А наши²⁾ подлаживаются к своим английским попам и до такой степени, что, когда раз на их собрание пришел и хотел заговорить, выразить сочувствие один очень видный английский рабочий, желающий лишнего, попы и старушки лишили его слова, не зная, что он скажет, — просто за его известные взгляды, — а наши промолчали. Компания Сергея говорит, что их с немцами поссорил Мендельсон³⁾. Я об этом спросила Элеонору. Она отвечала: «как он мог бы нас поссорить, когда мы с Сергеем были во 100 раз ближе, чем с Менд[ельсоном.]; но с тех пор, как он, Сергей, сжился с благочестивыми и умеренными англичанами, мне нельзя бывать у него, так как он боится англичан. Если меня заставлял у него кто-нибудь из его англичан, он так конфузился, так терялся, что бывало слишком обидно и за себя и за него как представителя русских».

Если бы меня поставили в необходимость выбрать между теми и другими, я выбрала бы немцев. Ради пустейшей газетки не стоит и просто унижительно ставить себя в такое фальшивое положение, в какое поставили себя Сергей и К-о.

У Жоржа умерла третья маленькая дочка (4 л.); он очень тоскует по ней и с тех пор все хворает.

Л. Д.

V [копия]

[Лондон, лето 1895 года]

Дорогой брат, давно что-то от тебя нет писем. Я продолжаю поживать в Лондоне, все на той же квартире. Очень мало кого выдаю, да теперь же и все на даче. Я, бедная,

¹⁾ Конечно, она имела в виду английских марксистов, социал-демократов.

²⁾ Под «нашими» В. И. разумела «фондистов».

³⁾ Мендельсон Станислав, один из основателей социал. движения в Польше, — о нем см. мою брош. «Наша эмиграция».

не попала на дачу, не по безденежью, а надули меня: я все ждала, что Жорж с Павлом приедут по обещанию на Гернэй, — Жорж купать своих детей, а Павел сам купаться. Но теперь оказалось, что они не приедут. А все знакомые тем временем раз'ехались. Просила я кое-кого письменно найти мне комнату в деревне, да это не помогает. Тебя, пожалуй, удивляет мое огорчение, что сижу в Лондоне: тебе было бы, вероятно, приятно хоть бы и летом попасть в большой город, но, должно быть, не надолго. Вообрази, в жару, в духоту, десятки верст вокруг сплошные улицы с черными непрерывными каменными домами, и небо видно только сквозь дым. А вспоминается, что везде на белом свете зелень, трава, деревья. Только музей и скрашивает. Душно в нем страшно, но я по уши втянулась в книги. Выучилась просиживать несколько часов, не вставая с места и не тоскуя по папироске, чего первое время совсем не могла: не выдерживала дольше двух часов подряд.

Фридрих Карлович [Энгельс], бедный, очень болен: какой-то нарыв на шее затяжной не проходит и почти не дает ему спать второй месяц, что страшно его истощает. Едва ли выживет. Очень жаль его: он не только Фр[идрих] Карл[ович], но и очень хороший человек. Едва ли кто заменит его и приобретет когда-нибудь то общее доверие, каким он пользуется и так разумно всегда употребляет. В нем удивило меня еще то, что в 75 лет в его уме не замечается ничего окаменевшего (мне это особенно кидалось в глаза по сравнению с русскими полу-стариками; в Швейцарии-то я, кроме своих, только с молодежью встречалась). Обо всяком явлении он судит на основании его самого, так сказать, а не по за-помненной еще в молодости мерке, а это, право, редко бывает.

Англичане в розницу — соседи, лавочники и т. п. — мне очень нравятся, симпатичнее швейцарцев и французов. Но по газетам, по рассказам, всматриваясь в Англию en grand, можно бы в отчаяние притти, если бы забыть о других странах и помнить только ее. Почему? Об этом целую статью пришлось бы написать, а потому... потом, да я пока и сама еще не вполне разобралась. Целую...

VI [копия]

[Лондон, зима 1895—1896 года]

Уравновеситься по примеру Сергея мне никак невозможно: у него равновесками служат, кроме Фанички 3 собаки, ангорская очень балованная кошка, большая квартира (т.-е. целый маленький домик), и *все это надо* поддерживать в чисто английском стиле, чтобы было совсем «fashionable», для приема почтенных англичан. Со всем этим, конечно, забот полон рот,—надо массу зарабатывать, и делает он это со вкусом: чувствуется, что думает он так век свековать. Вот это и есть его уравновешенность. Целых, последовательных взглядов у него никогда не было, нет и теперь. Рядом с «Драгоманьядой» он может сказать, что надо опять приняться за старую специфическую практику павинцев ¹⁾, от чего, по мне, боже упаси. Но все это для него так себе, и интерес жизни сосредоточен на текущих, наваленных им на себя комильфотных заботах (у моряка [Серебрякова] вместо собак трое детей и очень мало заработка, а все же он менее поглощен личными делами, чем Сергей. Его старое павинство [народовольчество] занимает большой кусок в его жизни, и, вообще, в нем более сохранилось старых хороших черт). Я вовсе не отношусь к нему [Сергею] неодобрительно: он милый, честный человек, но не о чем нам говорить, нет общих интересов. Я хоть и даю себе слово ежедневно мести свою комнатку, но даже и этого не исполняю: утром проспичь и спешичь в музей, а, вернувшись, кажется, зачем ее вечером мести, пусть остается до завтра. Но, если бы я даже начала это делать каждый день аккуратно, этим все же не увлечешься и не уравновесишься.

Третий том «Капитала» я прочла ²⁾. «Противоречие» разрешается именно так, как и казалось всем, кто об этом думал или писал: продукты тех отраслей промышленности,

¹⁾ «Павинцами» мы называли народовольцев; под их системою В. И. подразумевала террор; «Драгоманьядой» Вера Ивановна называла воззрения М. Драгоманова, шедшие в разрез с народовольческими. Кравчинский, однако, ухитрялся признавать правильными одновременно те и другие.

²⁾ Тогда он только что появился по-немецки, и я его еще не видел.

где преобладает переменный капитал, продаются ниже, а где постоянный — выше своей стоимости. Таким образом «прибавочная стоимость» делится между капиталистами соответственно не с количеством занятых ими рабочих рук, а [с] величиною вложенных в предприятия капиталов; в среднем же товары продаются по стоимости; поэтому прибыль, по мере роста капитала в стране, уменьшается относительно.

Настоящими «оппортунистами» в рабочем мире являются англичане: ни на какие принципы они внимания не обращают, а гоняются только за материальными выгодами. Немцы по сию пору ровнехонько ничего материального не получили, если не считать десятков тысяч лет отсиживания на всю компанию. А все-таки никто не усомнится, что они представляют собой бесконечно большую силу в жизни своей страны, чем англичане в своей. Политика Фольмара ¹⁾ была бы началом постепенного стаскивания немцев на уровень англичан.

Лично я Струве не встречала, но слыхала о нем: он хороший парень, хотя в книге, как выразился в письме один его приятель, «пересобачил, шельма, объективизм». Теперь вышла в Питере другая книга, Бельтова, которая дает настоящий тон, и сам Струве с ней, кажется, согласен.

VII [копия]

(Лондон, весна 1896 г.)

Событий-то собственно и у нас немного за эти 10 лет. Но сама я, как припомню себя тогдашнею [т.-е. когда мы с нею виделись в последний раз в марте 1884 г. Л. Д.] — совсем другая стала. Мне-то кажется — умнее, но в то же время, судя объективно, я знаю, что это один оптический обман: ни в чем мой ум не проявляется, никому его кроме меня самой не заметно. Я просто состарилась, а всякому старику субъективно представляется, что он поумнел и стал лучше. Страсти, желанья, мечты и страхи — все пропало, ничего нету, и все это кажется глупым. В 1874 г. интеллигенция наша, конечно, была лучше, и ей самой жилось полнее,

¹⁾ Известный соц.-дем., депутат рейхстага, начавший тогда сильно тянуть вправо.

чем теперешней. Теперешний, хотя бы и 20-летний юноша сравнительно тоже как будто состарился, меньше у него склонности к иллюзиям, не скажу, что он умнее, но больше знает, больше, пожалуй, учится, но такого «праздника жизни», как у того поколения, у современной [молодежи] нету. Это я, впрочем, не про здешних говорю, а про россиян, которые на время приезжают, там живут и действуют. Те умные, почти все, кого случалось видеть, те и много и толково знают. Здесь же учатся почти исключительно из мужчин одни евреи. У них уровень развития ужасно низок, хотя, по большей части, и очень способные люди, но они совсем не знакомы с русской — да и ни с какой (другой) литературой. Что выучили в гимназии, это и есть. Такой часто очень быстро усвоит по нескольким книжкам целое мирозерцание, но это выходит так узко, так прямолинейно и... очень с ними скучно, хотя они говорят обыкновенно несомненные истины. — Михайловский с В. В. последнее время заняты исключительно искоренением лево-гегелианства. Ты, вероятно, читаешь «Р[усское] Б[огатство]» (к сожалению, мы его не получаем). Ты издали, боюсь, пожалуй поверишь их печатным клеветам о насаждении капитализма и стремлении обезземелить крестьян. Может, и я бы усомнилась, не зная: всякие у россиян возможны глупости! Но тех людей, с которыми они сперва словесно две зимы сражались, а теперь против них пишут, я лично знаю и знаю, что это умные и честные люди, посвящающие все свои помыслы и силы совершенно противоположному. Прекрасный аргумент о насаждении капитализма еще Тигрич выдумал ¹⁾; он потом пояснял, что просто хотел «довести до абсурда» мнение противников. А теперь литературные наши вожди взяли у него этот аргумент на прокат. В. В. против «лево-гегелианцев» ²⁾ выпустил «Наши направления». А Михайловский статью за статьей валяет против них. Оба слезно жалуются, что это направление страшно распространяется. Про В. В. жаловались, что он и в спорах на собраниях беспрерывно только на том и выезжает, что приписывает противнику мнения, каких тот и не высказывал и не имеет.

¹⁾ Тигричем, известно, мы называли Льва Тихомирова.

²⁾ «Лево-гегельянцами» называли марксистов, соц.-дем.

С переводом Мих[айловско]го на европейские языки случилась такая оказия: отправил он с этой целью в Берлин одного юношу, очень способного, хорошо знающего языки и находившегося под его личным влиянием. Тот раньше ничего нашего лево-гегелианского не читал, хотя и слышал, но под влиянием учителя на веру относился враждебно. Но вот в Берлине он прочел эти издания, познакомился с немцами и через 3 месяца явился к нам нашим горячим, воинственным сторонником и ярким противником Михайл[овско]го, что и изложил ему в письме. Так по нашей невольной вине и лишилась Европа его «вкладов», а он «европейской известности». Но можно надеяться, что только на время: не всякий же, кого он пошлет, будет, не успевши устроить дела, приходить к убеждению, что Мих-ий пишет «ерунду», как решил наш новый приятель.

Статьи Жоржа оказались для «Neue Zeit» слишком велики и серьезны, почему теперь печатаются отдельной книгой Дидом (в Штутгарте). Витольда Викентьевна ¹⁾ прислала мне летом твое большое письмо к Лилке (воспоминания о Марусе). Оно очень было мне интересно. Она прибавила к нему извинительную записку, что не прислала его раньше, — думала, мол, быть в Швейцарии, да отложила. Я ответила на ее записку письмом, в котором просила рассказать мне хоть письменно о ваших краях, и спросила, не везет ли она мне альбома, которого я не получила? Она на это письмо мне не ответила: думаю, что это происходит от того, ч[то], вероятно, попала она в компанию, которая сумела вооружить ее против нас ²⁾. Одну книгу Лориа я кое-как прочла по-итальянски: по-моему, это злущая, хотя и неумышленная, карикатура на марксизм ³⁾. «Экономическое» в истории сведено некоторым образом к такой наивной

¹⁾ Жена Ф. Рехневского, сперва добровольно последовавшая за ним на каторгу, затем, спустя несколько лет, отправившаяся за границу для изучения медицины. Я снабдил ее письмом к В. И.

²⁾ Это предположение В. И. мне кажется неверным: Витольда Викентьевна была чрезвычайно беспристрастным человеком, к тому же в очень хороших со мною, вполне дружеских отношениях: по всей вероятности вышло какое-нибудь мне неизвестное недоразумение.

³⁾ По поводу этой книги была рецензия Гольцева в «Русской Мысли», за что последняя получила предостережение.

простоте: коли у меня в кармане рубль, так и силы на руб[ль], а — 5 коп., так — на 5 коп. Аня о нем приблизительно такого же мнения. Но, кажется, для французского перевода, который ты просишь выслать, он свою теорию немножко причесал и придал ей несколько более приличный вид. У Ани она есть. Я ее письмом просила прислать ее тебе, а также и ее карточку, — может, на этот раз исполнит. — Господа компаньоны [анархисты] и меня возмущают до чертиков: на суде в Барселоне (история в театре) оказалось, что главным деятелем и инициатором был агент-подстрекатель, — он это сам заявил. Ему не поверили, тогда он сослался на свое начальство, и то должно было признать верность его показания. Он же при этом был приятелем Равашольа ¹⁾. У французских анархистов при обыске нашли массу писем, где говорится о посылке им денег духовенством и буржуазией. Массу денег передала им также известная герцогиня д'Узэц, поддерживавшая и Буланже. Находили у них и множество отрезков от мандатов на получение значительных сумм. Вот на какие деньги ведут они свои пакости! Это все официально было констатировано, но буржуазная пресса замолчала. Говорила лишь рабочая пресса; их же представители сделали запрос в парламенте, почему ничего не предпринимается против этих казначеев-убийц? Рассмотрение запроса отложено на месяц: это все равно, что совсем его не принять. Да еще бы! Это у министерства теперь лучший способ борьбы с рабочими. Но какой позор!

VIII [копия]

(Лондон, лето 1896 г.)

Сейчас, как видишь по штемпелю [на нем «Eastbourn»], я не в Лондоне. Здесь я уж 2 недели. Перед этим в Лондоне было чрезвычайно многолюдно ²⁾, для меня т.-е., а то в нем и всегда больше 5 милл. жителей, но я-то очень мало кого видала. Я с большим нетерпением этого ждала, но вероятно предыдущее отшельничество и усиленная, хотя и не особенно результатная работа сделали то, что у меня

¹⁾ Прославившийся анархист.

²⁾ В. И. намекает на бывший в Лондоне Интернациональный Конгресс.

явилось сильное нервное расстройство, которого я не замечала, пока находилась в привычной обстановке, а тут сразу сказалось бессонницей, чрезвычайным волнением, насилу сдерживаемым желанием плакать без всякого удобного повода, так как удобных-то нету. Наоборот, скорее масса общих поводов в восторг приходить. Может быть, удастся устроить, чтобы тебе посылать книги, о которых ты жалуешься, что поздно узнаешь о выходе ¹⁾. Мне кажется, однако, что тебе в ложном свете представляется положение этих книг, — их вышло всего три; оно [положение] более шатко, чем ты думаешь. Писать большой «вклад», как ты предлагаешь, именно теперь для Ж[оржа] не время, было — в 80-х годах, да и то не написал, хотя для его здоровья было бы, конечно, лучше, не спеша работать, — он очень надорвался.

Постараюсь не сидеть так подолгу здесь одной: вредно это и для ума, не только для нервов. А я то думала, что совсем привыкла! Не пишется теперь о смерти Тамары ²⁾. В другой раз постараюсь. Ученой я не стала. В. В. притворяется негодующим на раскрытие псевдонима: он был раскрыт ³⁾. Пропажа наших писем, думаю, вовсе не случайность.

IX [копия]

[Цюрих. Лето 1897 г.]

Давно я тебе не писала и знаю, что это дурно с моей стороны, что при однообразии твоей жизни тебе хоть какую-нибудь болтовню получить приятнее, чем никакой. Знаю я все это и иной раз (когда не спится — особенно, — в другое-то время некогда по большей части себя мучить) грызу себя за это и все же откладываю письмо. Что я не пишу, из этого не следует, что мне не интересно, как ты живешь: всякие мелкие житейские подробности — все интересно, у меня ведь их нет. Живем мы, вероятно, как раз противоположным образом: я совсем не живу, а только грызу перья,

¹⁾ Это касается высылки начавших легально появляться в России сочинений марксистов — Плеханова, Ленина и др.

²⁾ «Тамарой» мы называли Сергея Кравчинского.

³⁾ Как известно, Плеханов (Волгин) в печати назвал «В. В.» — Воронцовым.

читаю, думаю о перьях. Сплю не иначе, как под хлоралом, встаю усталая, пью кофе и бросаюсь к книге или перу. День промелькнет как-то мучительно и до чертиков быстро, и опять то же — уж пора принять хлорал. Знакомых выдаю только тогда, когда почему-нибудь нельзя не видеть. Живу как во сне. Это — нелепая [жизнь] по малой результатности, но не могу иначе, спешка, вечное возбуждение усилиями работать мешает мне гораздо вернее писать тебе, чем то, что изложено выше: нечего писать именно потому, что так живу, иначе нашла бы. А ты не плати мне молчанием. Коли захочется писать, пиши.

X [копия]

[Цюрих. Осень 1897 г.]

Главная причина, что не писала тебе так давно, в том, что об интересном, об общем писать нечего, что оно стало вдруг такое громадное из крошечных забот крошечной семейки — всемирно-исторической силой и, следовательно, совсем, совсем другое, чем было когда-то. Писать коротко — не знаешь, что сказать, что ты поймешь; подробно — не пишется. О себе тоже нечего сказать. Вожусь очень усердно с бумагой и перьями, а толку выходит очень мало из моего воженья, но продолжаю возиться во что бы то ни стало. Мне в этом отношении не везет на разные лады. На днях я слышала, что Катя ¹⁾ получила разрешение вернуться в Рос[сию] и даже прожить несколько месяцев в Петербурге. Бодрая, говорят, такая, как ни в чем не бывало. Этак можно надеяться, что и Дмитро там скоро окажется. А ты?.. Вне Кары, в других местах, думаю, не так глухо. Много щепок туда от обильных порубок залетает ²⁾. А они обильнее, чем были когда бы то ни было, ну и лесу бесконечно больше. — Слышала я тоже, будто Маша ³⁾

¹⁾ Екатерина Брешковская. Л. Д.

²⁾ В. И. имела в виду попадавших в разные места Восточной Сибири, но не в Забайкалье, административно выславшихся социал-демократов.

³⁾ Марья Алекс. Коленкина, большой друг В. И. Засулич, и поныне здравствует в Иркутске.

умерла, но говорил мне это брат величайшего лгуна, он каким-то недостоверным голосом говорил. Не знаешь ли ты о ней?..

XI [подлинник]

[Конец 1897 г.]

Дорогой брат!

Не стану и извиняться за редкость своих писем. Пушай! Вот ведь что значит писать о себе из такой дали и по времени и по пространству. Тебе всего хуже показалась в письме моем фраза «живу как во сне». А я, хоть и не помню, в каком контексте она помещена, но наверно не в виде жалобы на это именно. Жить как во сне самое для меня приятное положение. Это значит не вспоминать о себе, да и ни о ком другом, а думать о каких-нибудь теориях (или, скромнее говоря, фантазировать о полутеориях); делаешь очень мало, но дни летят как на почтовых. Ненавижу, когда будят меня, хотя бы будили и такие вещи, за которые лет 15, даже 10, тому назад я бы охотно хваталась. Достались белке орехи, когда она уже без зубов. Впрочем и орехи-то азбучные, узкий катехизис ¹⁾... Знаю, что надо, и все же мучительно лень, скучно... Были орехи и интересные, но для них надо пожить как во сне ²⁾.

А вот удивительно: статья «К характеристике эконом[ического] романт[изма]» кажется мне из самых бесталанных статей (не говорю о беллетристике — ее всю хоть выбрось, да и корреспонденции попадают не особенные). А кажется, именно в июньской книжке есть критич[еская] статья автора, про которого ты прежде кричал, кажется, по поводу «буржуазной среды» ³⁾, что талантлив мол. Вот, что значит при-
страстие!

¹⁾ Под катехизисом В. Ив. вероятно имела в виду редактирование популярной литературы, издававшейся тогда Союзом Рус. Соц.-Дем.

²⁾ Здесь она говорит о своих легальных статьях, помещавшихся в выходявшем тогда в Петербурге марксистском журнале «Новое Слово».

³⁾ То-есть: «Революционеров из буржуазной среды» — эту статью В. Ив.-ны, появившуюся в заграничном журнале «Соц.-Дем.», я похвалил; вот она и намекала, что я прозевал ее же критическую статью в июньской книжке «Нового Слова». Л. Д.

Карточку твою трудно и узнать. Франтоватый такой и совсем другой, и мою бы наверно не узнал, если бы сняла.

Насчет «всемирной историчности»¹⁾, это, конечно, что понять под этим, размеры под это слово можно разные подложить. Но если бы вот сию минуту она совершенно исчезла со свету, как интеллигентная сила, она все-таки уж оставила бы после себя огромный неистребимый след, который не может не отразиться на всей дальнейшей истории, конечно, непосредственно лишь одного только государства, но через его участие во всемирной истории также и везде. А уж там-то скоро она не исчезнет и в своей интеллигентной форме, хотя... Как я понимаю кур, огорчающихся, смотря с берега на бедных утят, особенно, которых знают. Много у них утят, но утиный век такой короткий стал. Прежде в среднем утке считалось 2 года жизни, а часто и гораздо дольше, а теперь месяца 3 — 4 интенсивнейшего плавания, много полгода, и утка уже варится или жарится²⁾. А какие чудные бывают! Не потому они так мало живут, что глупее прежних, нет — это потому, что плавать-то им приходится в море, волны бедных птиц захлестывают. Племянник³⁾ давно не пишет. Он, говорят, отчаянный противник утиной породы. Крепко тебя целую.

Саша.

XII [подлинник]

(Писано, повидимому, из Цюриха, 1/13 марта 1899 г.)

Дорогой брат, я не ответила на твое последнее письмо и т[ак] долго не писала отчасти оттого именно, что хотела отвечать на это письмо, где ты еще приводишь отрывок из письма Дмитра. Потому что хотела хорошенько ответить, я отложила до тех пор, пока кончатся очень тяжелые, неприятные заботы, истории, бывшие очень крутыми в начале лета, кончились они (и кончились очень печально; в чем

¹⁾ Речь шла о том, можно ли считать, что тогдашнее положение марксизма в России имеет и «всемирно-историческое значение», — я по этому поводу высказал в предшествовавшем письме сомнение. Л. Д.

²⁾ Здесь В. И. имела в виду быстрое прекращение активной деятельности вследствие арестов.

³⁾ Племянник — Виктор Петрович Успенский — народник.

они были, долго рассказывать, но такого рода, что со временем и до вас дойдут слухи) в ноябре ¹⁾. Но тогда я очень хандрела, злилась вообще, а главное на себя, критиковала свое поведение (слишком миролюбивое), хворала и проч., а последнее время несколько раз принималась разыскивать то письмо, чтобы перечитать, да так и не нашла. Это, разумеется, не оправдание в долгом молчании, а просто повествование.

Дмитро ошибся, как и ты, принявши мое описание хорошего (лучшего из возможных для меня) житья за изображение очень худого, но он прав, конечно, объясняя мое житье (на мой вкус хорошее по сравнению с такими временами, когда не удастся жить исключительно умственной жизнью), очень ненормальное, конечно, житье, одиночеством. Но мне кажется, что он не прав, когда говорит, что одиночество тяжело лишь при особом складе характера, как у нас с ним. Иная, мол, на ее месте, при «мировом деле» нашла бы тысячи интересов, а она мучается. Да — интересы-то у меня есть, и я отдаюсь им очень усердно, — с удовольствием к чисто умственным, как в Лондоне, — с отвращением — к таким практическим, какие вышли на деле здесь за последние 1½ года, но я всегда отдаю им все помыслы, — одиночество — вещь, раз навсегда данная, я о ней не думаю (разве, когда не достану хлорала и мучает бессонница), но я убеждена, что ни для кого никакие мировые интересы не могут заменить ближе тебя. Интересы и близкие люди удовлетворяют двум различным потребностям и так же мало могут *à la longue* заменять друг друга, как еда заменять сон, свет — теплоту или наоборот. Разумеется, когда нет ни того, ни другого, так еще хуже. Мне всегда, как *memento mori* вспоминаются Полляк ²⁾ и Анка ³⁾ (она тоже потом все к чужим семьям пристраивалась и очень страдала, — не знаю, писала ли я тебе, ч[то] она умерла — одна), — такой беды со мной никогда не случится. Но я не могу припомнить ни одного

¹⁾ Здесь В. Ив. имела в виду происшедший разрыв с Соц.-Дем. Союзом. Л. Д.

²⁾ Теофилия Полляк — друг Розалии Марковны Плехановой (см. № 2 Сборн.).

³⁾ Анна Михайловна Эпштейн — жена Клеменца, друг С. Кравчинского; умерла в Вене в 1895 г. в одиночестве.

одинокого человека, который не был бы печальным. Дм[итро] упоминает Катю [Брешковскую]. Я не знаю ее, так что близких людей, т.-е. таких, у которых не было бы никого не могу хорошенько представить себе ее психологию. Она, кажется, принимается обращаться как с близкими людьми с очень мало знакомыми и может быть создает себе иллюзии. А кстати. Я ведь и раньше знала ее только по рассказам, и теперь опять слышала про нее рассказ людей, видевших ее в прошлом году. Судя по рассказам, она мало изменилась, только всех знакомых вместо того, чтобы звать «сыновьями», зовет «внучатами». Она в Пит[ере] познакомилась с несколькими нашими приятелями и причисляла себя по названию к ним ¹⁾. Но мне кажется, что с этим названием она не связывает определенного понятия, а употребляет его как синоним «хороший человек». Она, напр., говорила им, что вот, Дм[итро] — с[оциал]-д[емократ], а ты — не очень, не совсем. Ну, какой же это могло иметь смысл, кроме того, что Дм[итро] лучше, что она его считает более сохранившим черты хорошего человека в нашем особом смысле ²⁾? Ведь не взгляды же она имела тут в виду? Я встретила недавно одного паренька (хороший паренек), видевшего недавно Дм[итра], и этот паренек говорил, ч[то] Дм[итро] оставил в нем впечатление человека, сохранившего живые общественные интересы, не опустившегося подобно большинству тамошних стариков. Поклонись от меня крепко Дмитру, когда будешь писать, а насчет «говоренья и неделанья» ³⁾ он (или его собеседник) ошибается: никогда столько не делали. Крепко обнимаю, твоя сестра Саша.

¹⁾ Этими «приятелями» были П. Струве, Туган-Барановский и другие тогда «легальные марксисты». Они-то затем передали В. Ив. о своих беседах с Брешковской. «По названию» — Засулич имела в виду «марксистов», к числу которых Брешковская себя тогда причисляла по недоразумению, не разобравшись, вскоре по возвращении из Сибири в Евр. Россию, в которой не была около 15 лет.

²⁾ Следует заметить, что лично я с Брешковской ни в Евр. России ни в Сибири не встречался; следовательно, если она составила себе то или иное обо мне мнение, то не по непосредственным впечатлениям.

Л. Д.

³⁾ В одном из своих писем Стефанович, с чьих-то слов, заметил что эмигранты много говорят и мало делают или что-то в этом роде, о чем я сообщил Вере Ивановне. Л. Д.

XIII [подлинник]

[Из Швейцарии], 16(4) мая 1899 г.

Дорогой брат, на этот раз у меня почему-то явилась охота сейчас же ответить на твое письмо: может быть потому, что я теперь представляю тебя тоже одиноким ¹⁾. Мне рассуждение твое о семейном и деловом типе ровно ничего не говорит. Такая уж большая потребность заниматься не своими делами на свете не так уж очень сильна; у нас она интенсивно чувствуется (в 80-х годах, впрочем, было заглохла) по особым историческим обстоятельствам. Потребность же не быть одному, быть для кого-нибудь из первого ряда людей (т.-е., чтобы у кого-нибудь не было людей ближе, дороже тебя) есть у всех. Удовлетворять ее может и не семья, а товарищество между несемейными людьми (в полках, в монастырях и проч., и проч.). Но чем ближе к старости (если не в монастыре), тем меньше возможности товарищества, меньше шансов их иметь. Несемейный почти наверное останется одиноким, и привыкнуть к этому так же нельзя, как к голоду, пока не умерло то, что душой называется. У ровесников семьи, у молодежи все семьи промеж себя. Они в тебе товарища не увидят. В этом, если хочешь, суть печальной истории, про которую я писала, что дойдет до тебя. Так что практического-то отношения к «мировому делу» у меня теперь нет никакого ²⁾. Само-то по себе это лишь облегчение моей судьбы. Практическая возня мне всегда была противна (я сюда отношу и такую литературу, где по существу ни единой новой мысли не полагается — «учебники», напр.), и, если иной раз на минутку (т.-е. на несколько месяцев) увлекалась ею, так только, если мне казалось, что, если я не вылезу из всех сил, так все пропало. Теперь этого нет и не будет. Чувства неодинокства,

¹⁾ Вера Ивановна из моего письма узнала о смерти Марии Александровны Анапьиной, умершей 25 янв. (6 февр.) 1899 г. в Акатуге.

²⁾ Известно, что после происшедшего в Соц.-Дем. Союзе раскола В. Ив. и ее товарищи — Плеханов, Аксельрод и др., отказались от участия в литературных изданиях этого Союза, на что она и намекала здесь, объясняя расхождение стариков «членов группы «Освоб. Труд», с молодыми отчасти разными возрастами тех и других.

товарищества, она мне теперь не давала, а только мешала уйти в единственно сносное для меня существование «как во сне», в котором вижу книги. Попрошу тебе книгу, которую я видела во сне ¹⁾ в Лондоне. Но больно было и еще есть, просто как окончательное констатирование, что товарищей больше не будет ²⁾. И в существовании «как во сне» я все еще не могу уйти, хотя видаю, и то изредка, одного Павла ³⁾. Он, мне кажется, мало изменился, меньше всех нас. Мы с ним всячески друг друга уважаем, доверяем и проч., но мы лично абсолютно друг другу ненужны. Я его и всегда, как и теперь, только головой хвалила, но не чувством: тебе он был симпатичнее. Говорить мы с ним можем лишь о фактах (и то [друг] друга часто раздражаем), но у нас никогда не бывает таких мыслей, которые показались бы друг другу интересными. Это потому, что он лучше меня. Он по характеру учитель. У него бывают только полезные мысли, а мне они скучны, я ими могу заниматься лишь «по долгу службы».

Жорж много пишет, — все больше полемизирует. Материальные дела Павла хороши (вполне обеспеченных от кеша франков 500—600 в месяц). У Жоржа обеспеченного-то нету, но все-таки по временам большой заработок. Дети у обоих взрослые, уже «молодежь», а не дети. Павловы — геноссы ⁴⁾, но получившие взгляды по наследству, не думающие о них, вполне к ним равнодушные. Жоржевы — не геноссы, — просто барышни. Павловы говорят, хотя и не чисто, по-русски, Жоржевы совсем не говорят. Все пятеро не глупые и не очень умные ⁵⁾.

Я рада, что Дмитро интересуется моими письмами, и что ты их ему посылаешь. Насчет «говоренья и неделанья»

¹⁾ «Как во сне» — этим выражением В. Ив. определяла свою работу над литературными произведениями, а под «видела во сне» имеет в виду написанную ею незадолго перед тем в Лондоне монографию о Руссо.

²⁾ Вера Ивановна в данном случае впадала в чрезмерный пессимизм под влиянием разрыва с членами Союза и сопровождавших его тяжелых сцен, драг, ссор; но вскоре затем она и др. нашли товарищей в лице приехавших за границу «искровцев», — Ленина, Надежды Константиновны, Мартова, Потресова.

³⁾ П. Б. Аксельрод. Л. Д.

⁴⁾ Т.-е. социалисты, члены партии.

⁵⁾ Эта характеристика, едва ли вполне верная и в конце 90-х годов впоследствии оказалась еще более неверной.

вовсе не юнец мне говорил, а ты прислал выписку из письма Дмитра, в которой говорилось, что он так слышал про них ¹⁾ от кого-то и думает, что это верно, что они «больше говорят, чем делают». Юнцу же, наоборот, он сказал, что тот хорошо сделает, если с ними сойдется. В момент, когда юнец с ним виделся, он был в переходном состоянии и говорил ему о своих колебаниях. Он присутствовал при свидании Дмит[ра] с одним старым знакомым дидом-хохлом [чигиринцем]: тот вновь попал в ваши страны, кажется, за избивание штундистов ²⁾).

Посылаю тебе книгу некоего Карелина. Этот же Карелин писал когда-то биографию Вольтера для Павленковской серии биографий и еще там разные вещи «о буржуазной среде», напр., которые ты хвалил. Пошли и Дмитру на прочтение. Кланяюсь Дмитру, крепко целую; твоя сестра Саша.

Витя давно бросил мне писать, а она и не писала. Витя бросил, кажется, потому, что он, по слухам, ярый народник (но хороший человек) и огорчен новыми течениями.

XIV [подлинник]

(Сентябрь 1899 г.)

Дорогой брат, слух до тебя дошел о моих «материальных бедствиях» самый противоположный истине. Уж одна «отставка» ³⁾ моего материального-то положения не могла не изменить к лучшему, предоставив мне свободу думать о чем угодно вместо исследования всяких плутней, на чем, конечно, не зарабатываешь. Дело в том, что ты ошибаешься, предполагая, что видишь причину в печатных источниках. Те-то, наоборот, почти все, кого я знаю (человек ⁵⁾ милые люди ⁴⁾), и «стриговавшийся» ⁵⁾ нравится мне даже. Ересей, правда, почти у всех немало, да без этого и быть не могло.

¹⁾ Т.-е. про членов группы «Освоб. Труда». Л. Д.

²⁾ Этот чигиринец, фамилия которого Чепурный, вторично пошел в Сибирь за то, что, став штундистом, он внутри этой секты основал свою, новую.

³⁾ «Отставка», т.-е. уход ее из редакции «Работника».

⁴⁾ Легальные марксисты.

⁵⁾ «Стриговавшийся» — это П. Струве, — выражение, употребленное по отношению П. Струве Н. К. Михайловским в его рецензии по поводу книги Струве «К вопросу об экономическом положении».

Ведь каноническая-то историческая теория ¹⁾ вся на 5 страницах уместится — это едва намеченная схема. Трудно ожидать, что раз головы начали над ней думать, они выдумают как раз одно и то же, хотя это и было бы полезно. Ты скажешь, — а в Германии было же... Да ведь там теорией-то совсем не занимались. Теперь теория в первый раз попала в среду интеллигенции. Их ереси могут бесить и бесят Жоржа, но не меня. Но ведь через них можно иметь лишь такое же соприкосновение с «мировой жизнью», какое они сами имеют, а ведь они же не практики ²⁾.

Расстались мы со здешними. Главный контингент [их] «патриоты Минско-Виленского отечества». То, что говорил тебе о России (насчет сотен лет) Читинский патриот, они все поют, и на этом основании все и вся стремятся эксплуатировать в пользу собственного отечества. Это именно Минск[о]-Вил[енские]. У южных этого патриотизма нет, но практичнее, загрибистее и плутоватее патриоты, и верх за ними. Замешаны были и ереси, но, в сущности, «патриотам» до идей-то дела мало, а лишь до практики. Выдвинули они их против нас и, отделавшись, сейчас же бросили, и теперь — само правоверие. Но дела в их отечестве идут действительно хорошо ³⁾.

Изо всего этого следует, что денег-то мне теперь меньше чем когда-либо нужно. Ты видишь подтверждение слухов в том, что я не писала в последнем письме о своих денежных делах. А разве я раньше когда-нибудь о них писала? Не помню, но, вероятно, что не писала. Что же о них писать?

¹⁾ Вера Ивановна имела в виду известное предисловие К. Маркса к его «Критике политической экономии», где изложена эта теория.

²⁾ Повидимому, здесь она намекала на возникшее среди так называемых «легальных марксистов» критическое или оппортунистическое течение, возглавляемое Бердяевым, Струве, Туган-Барановским.

³⁾ Так, очевидно, В. И. характеризовала тогдашних бундистов, а может быть, вообще молодых марксистов, входивших в Союз Соц.-Дем., потому что под «Читинским патриотом» она, очевидно, подразумевала д-ра Ляховского, с которым я познакомился в Чите, куда он попал в админ. порядке: он-то мне говорил, что революция в России будет через сотню лет; между тем он принадлежал к Петерб. Союзу Борьбы, за что и был арестован. Впоследствии Ляховский совершенно отошел от движения и эмигрировал в Нью-Йорк, где также стоит в стороне, но имеет большой материальный успех. Л. Д.

Я теперь, как и в Лондоне, опять получила право заниматься какими угодно, а не непременно «полезными» мыслями. А ты так и не узнал одну из бесполезностей, какие мне снились в Лондоне? ¹⁾

Вот еще бесполезная книжка, которую так хвалит «Монумент самому себе» в майской книжке «Начала». Первая рецензия. Бедное «Начало». Может быть тебя книжка Карелина и заинтересует, ну, почему бы я стала после этого бедствовать?

И я, разумеется, ценю в Павле его «учительские» наклонности. Но ценю отвлеченно, в качестве гражданки (теперь-то, положим, никто у него не учится). Но ведь я-то не ученица. А скучать, я никогда не скучаю. Тоскую иногда, но остро, взволнованно — это не скука.

На вопрос Женьки ²⁾ я решительно не знаю, что ответить. Жизнь на родине ключом кипит. Сравнительно, по крайней мере, с последними десятилетиями. Но я совсем не знаю условий практической жизни, ничего не могла бы указать. Знаю условия теоретической жизни, но в нем, по-моему, нет задатков писателя, — в 10 раз меньше, чем в Дмитре. Тот-то мог бы писать.

Знаю одно условие: помнишь, как определяли среднюю жизнь в наше время? Теперь она раза в четыре короче. Вместо двух одна половинка, а затем от 3 до 5 лет не жизни. Зоологическая причина та, что животные совсем не линяют, не меняют шерсти ³⁾.

¹⁾ То-есть, что я не угадал, что под псевдонимом «Карелина» вышла ее книжка о Ж. Ж. Руссо, расхваленная в рецензии журнала «Начало».

²⁾ Дело в том, что решив бежать из Сибири за границу, я сообщил об этом Вере Ивановне, спросив ее, найду ли я себе там соответствующее занятие, так как, будучи давно совершенно отрезан от действительного положения нашего революционного движения, опасаясь, не попаду ли я из огня да в полымя. Ее ответом на это было настоящее письмо, в котором, ради конспирации, она говорит обо мне (о «Женьке») в третьем лице. Как явствует из следующего ее письма, она неверно поняла меня и своим ответом сильно испортила мое настроение, в результате чего задержался несколько мой побег.

³⁾ В 70-х и 80-х годах период деятельности и жизни революционера на воле мы определяли в два года, следовательно, судя по словам В. И., в 90-х годах он равнялся только шести месяцам, что она объясняла переходом на «нелегальное» положение: «не линяют, не меняют шерсти». Л. Д.

XV [подлинник]

1900 год

Дорогой брат, мне очень досадно, что по чистейшему недоразумению я огорчила Евгения Васильевича ¹⁾: мы подразумевали разные страны и разные вещи. Ты писал, что он «желал бы окунуться в жизнь». Ну, а у меня мысль о Швейцарии связана с мыслью о полном отсутствии жизни, а понятие о жизни с совсем иной страной, о которой я и думала, что ты спрашиваешь. Я и отвечала, что там мне подробно известны лишь условия литературного дела и прибавила (некстати, что и ввело тебя в заблуждение), что к этому-то делу у Евгения нет способностей, прибавила зря, — я уверена была, что об этой деятельности он не думает, а ты понял это как заявление, что «он ни на что не способен».

Про все остальное я просто писала, что не знаю тамошних условий. Теперь я вижу, что Евгений думал о Европе.

Я и о Европе скажу только: не знаю. Я не могу «окупаться» здесь в «практическую жизнь», но ведь мы с Евгением разные люди и прожили 15 лет на разных половинах земного шара. Возможно, что именно там, где я не могу, он может. Да даже и писательство... С одной стороны я ведь судила о его неспособности по тем опытам, которые видела. В иных условиях жизни способность могла зародиться, а затем есть обширные области литературы, где писательской жилки вовсе и не нужно, нужно лишь умение излагать, а это у него есть. Здесь даже существует литература, для которой наличие того, что я считаю качествами хорошего писателя, прямо не нужно, пожалуй даже помеха (это покажется тебе парадоксом, но, право же, верно).

Я беру назад (хотя и не помню, в чем именно он состоял) и свой отзыв о Минско-Виленских патриотах. Я не думаю, чтобы сюда перебирались лишь худшие (эмиграция оттуда огромная, а из других мест ее совсем нет), но дело в том, что, являясь с враждебными намерениями (они с ними приезжали), они невольно выказывали нам лишь худшие свои стороны. Кроме того, хотя и ты уже не раз сердился на меня

¹⁾ Т.-е. меня. Л. Д.

за стремление быть справедливой к врагам (к Драгоманову, напр.), хотя и потом я именно этим часто грешила и из-за этого не гожусь для борьбы, тем не менее и я не чужда общечеловеческого свойства не чувствовать к своим врагам симпатии. Для людей же, находящихся с ними в иных отношениях, они, может быть, и симпатичны, а друг для друга даже наверное, я высказала к ним свое субъективное отношение, высказала тебе. Мне жаль, что его читал человек, для которого это субъективное отношение не может иметь значения. Публично я своих чувств к ним никогда не выражала и выразить не стану. Я писала тебе и никому другому.

Именно про эту не возбудившую в тебе «телячьего восторга» вещь я и говорила, что ею всего больше занималась в Лондоне, с нею года 2 тянулись разные приключения. И другие маленькие вещи того времени ты видал, только не заметил. Здесь и некогда было первые 1½ года, затем нравственные условия стали такие тяжелые, что хотя и время нашлось, но вернуться к прежнему настроению «сновидений» я пока не могу. Желаю всего хорошего в новом месте.

Твоя Сапа.

Попробую написать одному знакомому в Нью-Йорк, не знает ли кого в С.-Франциско¹⁾.

¹⁾ Это письмо мною получено было уже в Благовещенске, и, насколько могу припомнить, оно являлось последним мною полученным от В. И. Адрес в С.-Франциско я просил на тот случай, — если мне удастся бежать, я намеревался проехать через Сев. Америку. Л. Д.